

А. В. Венков
(Ростов-на-Дону)

О военных традициях славян

В своих статьях для «Американской энциклопедии» Ф. Энгельс дал характеристику всех армий Европы. Армии имели схожую структуру, были вооружены примерно одинаковым оружием и носили очень похожую форму. Отличались они одним — национальным характером. Энгельс рассуждал об активности и напористости французов, о бульдожьей хватке англичан, об универсальных военных качествах немцев, о храбрости и неповоротливости русских. Об испанцах он высказался так: они народ воинственный, но не военный.

Мы же, бросив самый поверхностный взгляд на историю Европы, можем сказать о славянах, что они народ военный, но не воинственный. Военный — потому что славяне пережили немало войн, но в конечном итоге «отбились», служили во всех армиях Центральной и Восточной Европы, и для некоторых славянских народов до настоящего времени состояние войны — самое естественное состояние. И в то же время они народ не воинственный. Из всех европейских «языков» одни славяне не делали попытки установить свою власть над всей Европой. Германцы при своих императорах пытались, французы при Наполеоне — тоже. А у славян прямо как у Е. Евтушенко — «Да, мы умеем воевать, но не хотим, чтобы опять...».

Устоявшееся мнение при ближайшем рассмотрении грешит рядом исключений. Да, французы активны и задиристы. Вспомним куплеты про их короля Генриха IV:

Войну любил он страстно
И дрался как петух,
И в схватке рукопашной
Один он стоил двух.

Но в войнах XX в. французы ничего подобного не показали. И стратегия у них была оборонительная.

Англичане при их «бульдожьей хватке» и традиционной во время Наполеоновских войн тактике «тонкой красной линии» (каждый солдат стоит на своем месте в строю и все время метко стреляет) «порадовали» знатоков двумя несравненными по безрассудству конными атаками. Вспомним «Серых Шотландцев» при Ватерлоо (их через полтора века запечатлел на экране С. Бондарчук) и прославленную на века в английской поэзии «атаку легкой бригады» под Балаклавой.

Однако при всех этих правилах и исключениях единого устоявшегося мнения о военных традициях, о проявлении в войнах национального характера славян — нет.

В XIX и XX вв. много говорили и писали о боевых традициях русской армии. Но русские — это еще не все славяне. А значительная часть славян в период, когда складывалось указанное мнение, служила в «чужих» армиях.

Видимо, все же нельзя говорить о единой военной культуре славян. Мы видим на ряде примеров абсолютно разное отношение, допустим, поляков и великороссов к одному и тому же явлению. В борьбе с крымскими татарами, обороняя границы, поляки применяли «оборону поточную», т. е. конное патрулирование степи, а великороссы начали «стройку XVIII века» — Белгородскую засечную черту.

Идеалом тех же поляков является стремительная атака, такая как при Соме-Сьерре. Напомним — в 1808 г. в Испании дежурный эскадрон польского дворянского полка шеволежеров гвардии Наполеона, воплощая в жизнь импровизацию императора, в конном строю пронесся по ущелью, взяв одну за другой четыре испанские батареи и прорвав тем самым фронт испанской позиции. Идеал великороссов — упорная оборона. Даже в описании одного и того же сражения, где в одном строю дрались и поляки и русские (я имею в виду Грюнвальдскую битву 1410 г.), польские и русские исследователи (и даже составители хроник) в качестве важнейшего, решающего события выделяли разные по содержанию примеры. Для поляков это была атака польских рыцарей левого фланга общего построения, которые в конном строю лоб в лоб столкнулись с рыцарями Ордена. Для русских это была упорная оборона в центре трех смоленских полков, о строй которых разбился напор орденских рыцарей.

В нашу историю вошли многочисленные осады, «сидения». Примером может служить оборона Пскова, оборона Смоленска, Азовское осадное сидение. И даже последний славный подвиг в последней войне — оборонительный бой десантной роты, когда в живых остались всего 4 десантника.

Энгельс считал, что русские вообще не способны к маневру, к легкой кавалерийской службе, и выручает их только наличие казаков.

Военная культура народа складывается во время зарождения народа. Мы знаем, что складывание великорусского этноса проходило в условиях постоянных отражений набегов степняков и противостояния планомерному и смертельно опасному натиску с запада.

С другой стороны, большое влияние оказали военные традиции Византии и даже Античной Греции, тех территорий, откуда к нам пришло христианство. Некая общая система ценностей просматривается на про-

тяжении всей нашей военной истории. Вспомним «Илиаду». Троянцы атаковали ахейцев с кликами, напоминающими журавлиные, а ахейцы ждали их молча, сомкнув щиты и став плечом к плечу.

Вспомним, как ночью перед Куликовской битвой князь выехал в поле меж войсками. В татарском лагере были крики и суета, как на торжище или на строительстве города. Князь обернулся к русскому лагерю, и была там великая тишина.

И наконец М. Ю. Лермонтов:

И слышно было до рассвета, как ликовал француз.

Но тих был наш бивак открытый...

Несомненно, наши военные традиции имеют глубокие исторические корни.

Нельзя не учитывать и этнические составляющие складывающейся общности. Согласно общепринятой летописной традиции, славяне пришли с Дуная на Днепр, а затем, продвинувшись дальше, заняли территорию, которая в нашей средневековой истории называется Северо-Восточная Русь. Население этой территории — угро-финны и другие народы — конечно же, в значительной своей части было ассимилировано. Это не могло не сказаться на менталитете, на национальном характере. Второй народ, который, судя по историческим данным, имеет явную склонность к упорной обороне в ущерб наступательным действиям, это, видимо, финны. Вспомним их знаменитую «линию Маннергейма». Да и позже, когда началась Великая Отечественная война, финские войска под Ленинградом наступательной активностью не отличались. Помимо того финны всегда отличались как мастера партизанской войны. Так, во время войны 1808–1809 гг. они вырезали целую сотню лейб-гвардии казачьего полка. А уж казаки всегда считались мастерами «малой войны». Упрощенно подходя, можно допустить, что великороссы впитали в себя финское упорство в обороне, которое лишь укрепилось в условиях складывания великорусского этноса.

Впрочем, данное положение грешит исключением. Мадыры, родственные финнам по языку и происхождению, однако — кочевники, являли собой в XVIII–XIX вв. лучшую легкую кавалерию Европы. По крайней мере, Ф. Энгельс, считавший себя знатоком военного дела, называл лучшей легкой кавалерией Европы венгерских гусар и польских улан.

Но и здесь, к чести славян, можно добавить, что значительная часть лихих венгерских гусар состояла из словаков. А первые гусарские полки в Европе состояли, помимо венгров, еще и из сербов. В частности, в XVIII в. русские гусарские полки, набранные на территории Священной Римской империи (Австрии) и расселенные по границе с турками и крымчаками, состояли из сербов. О мадырах и сербах в гусарских

полках русской армии в начале XIX в. упоминает Надежда Дурова. Она, кстати, недовольна русскими уланами, набранными на территории бывшей Речи Посполитой, и противопоставляет им гусар, среди которых блистают мадьяры и сербы.

Если уж мы коснулись западных и южных славян, то нельзя не отметить, что отличительной чертой поведения этих народов на войне так же, как и у великороссов, является стойкость. Знаменитый Аркольский мост, который Наполеону Бонапарту так и не удалось взять (штурм этого моста признан эталоном мужества, и есть картина, изображающая Наполеона со знаменем на этом мосту), обороняли от французов два батальона хорватских пограничников.

Славяне составляли примерно половину населения Австрийской империи. Соответственно, и даже в большей степени, они были представлены и в многонациональной австрийской армии. И Наполеон, и Суворов отзывались об австрийской армии времен Наполеоновских войн без особого уважения. Однако после ряда войн отношение Наполеона несколько изменилось. Когда кто-то в разговоре стал насмехаться над австрийскими солдатами, Наполеон ответил: «Вы не видели их под Ваграмом».

В чем же дело? Чем Ваграм отличается от того же Аустерлица?

Под Аустерлицем в 1805 г., как все мы помним, русско-австрийская армия пошла в наступление с целью обойти правый фланг французов и тем самым отрезать их от Вены, уже занятой французами, и отбросить к прусской границе. Французы внезапно контратаковали, и русско-австрийская армия после упорного сопротивления побежала. Причем, как рапортовали потом командующие русскими колоннами, первыми побежали австрийцы.

Под Ваграмом в 1809 г. события развивались по-иному. В мае французы форсировали Дунай у Асперна, но после жестокого боя были вынуждены отойти обратно на свой берег. В июле, обманув бдительность австрийцев, Наполеон форсировал Дунай ниже по течению, и у селения Ваграм разгорелось упорное двухдневное сражение. После всеобщей мясорубки австрийская армия отступила в порядке, оставив незначительное количество пленных и брошенных орудий. Потери французов, обладавших численным превосходством, были не меньше австрийских.

Кое-что становится яснее, если внимательно рассмотрим национальный состав австрийской армии под Ваграмом.

Перед нами шесть корпусов и авангард. Надо уточнить, что в австрийской армии полки делились на «немецкие», «венгерские» и «валлонские». Но лишь знатоки знают, что «немецкими» назывались еще и полки, набираемые в Богемии и Моравии, т. е. на территории современной

Чехии и Словакии, там же, в Словакии, набиралась часть «венгерских» полков.

В сражении под Ваграмом все так называемые «немецкие» полки 1-го и 2-го корпусов набирались в Богемии, т. е. в Чехии. Это полки № 17, 36, 11, 47, 10, 42, 35, 54, 25, 57, 15, 21, 18, 28. Судя по опубликованным спискам, это самые полнокровные полки, имеющие по 3 тыс. штыков.

В 3-м корпусе из семи полков четыре набраны в Моравии. Это № 1 (имени Кайзера!), 12, 7, 56. Остальные три набраны в Венгрии, Силезии и Нижней Австрии.

В 4-м корпусе из 6 полков два набраны в Моравии и Иллирии (хорваты, но не пограничники). Это № 8 и 22. Остальные два — в Венгрии и два — в Верхней и Нижней Австрии.

В 5-м корпусе, который в сражении не участвовал, а был в резерве, 1 полк набран в Моравии, № 29. Здесь же встречаются так называемые «валлонские» полки. Но после утраты Австрией валлонских земель с начала XIX в. солдаты в эти полки набирались на землях, отошедших к Австрии после раздела Польши. Соответственно полки состояли из поляков, украинцев и русин.

В 6-м корпусе два полка, набранные в Верхней Австрии, два венгерских и два трансильванских (№ 31 и 51). В авангарде два полка, набранные в Нижней Австрии, один — в Тироле, один — итальянский и один — «валлонский».

Многочисленный ландвер, за исключением «Венских» частей и Легиона эрцгерцога Карла, перед сражением под Ваграмом австрийцы тоже подвели из Богемии. Остальные провинции империи были отрезаны. Впрочем, это видно из названий ландверных частей.

Таким образом, мы имеем на поле боя минимум 20 полков, набранных в славянских землях (не считая «валлонские» полки, с ними примерно 23), 5 венгерских полков (в них могли служить словаки), 2 трансильванских полка, 9 немецких полков (австрийских, тирольских и силезских) и 1 итальянский полк.

Славян все равно больше. Если посчитаем количество штыков, согласно представленному списку, то получим 50 тыс. солдат, набранных в Богемии и Моравии, 9 тыс. венгров и словаков, 2 тыс. румын, 16 тыс. немцев, 1,5 тыс. итальянцев. Фактически славяне и все прочие в регулярной пехоте соотносятся — 5 к 3.

Такое же соотношение в резервной кавалерии. Драгуны и кирасиры набирались в большинстве в Богемии и Моравии, среди гусар были словаки и целый полк словенцев (№ 12). Уланский полк № 2 (Шварценберга) состоял из галицийских поляков. Такое же соотношение среди grenадер.

Итак, под Ваграмом большинство австрийской армии, которая дрались два дня и ушла непобежденной, составляли славяне.

Под Аустерлицем мы имеем 15 слабых австрийских батальонов. Основные силы австрийской армии, примерно те же самые полки, что мы видели под Ваграмом, в 1805 г. были окружены под Ульмом и сданы в плен австрийским командованием. Под Аустерлицем были лишь остатки австрийской армии. Лишь один полк был в полном составе. Остальные были представлены в основном запасными батальонами. Но рассмотрим и их с точки зрения национального состава.

Полк Бродер — словенцы.

Полки 1-й и 2-й Цеклер — румыны и венгры-семиградцы.

Зальцбург — территориальный немецкий полк.

24-й Ауэрсберга — набран в Нижней Австрии.

20-й Кауница — набран в Силезии.

1-й Кайзера — в Моравии.

9-й Чарторыйского — бывший «валлонский», а значит, из поляков или украинцев.

55-й Рейс-Грейц — то же самое.

58-й Болье — то же самое.

38-й Вюртембергский (по имени шефа) — то же самое, но в него стали набирать солдат на территории Венгрии.

49-й Керпена — набран в Нижней Австрии.

Здесь славянских полков 5 из 12.

Естественно, на исход сражений оказали большое влияние и другие факторы, о которых мы вообще не говорили, поскольку данная работа вовсе не посвящается детальному разбору австро-французских войн. Но национальный состав сражающихся, видимо, сыграл не последнюю роль.

Что касается французских побед над австрийцами в Италии, то в Италию австрийцы традиционно посылали войска из близлежащих провинций. Это были солдаты, набранные в Штирии, Каринтии, Зальцбурге, Тироле, в Верхней и Нижней Австрии. Какую-то часть этих войск составляли хорватские и сербские пограничники. И как мы видим в случае с Аркольским мостом, и в Италии славяне дрались неплохо.

Наполеоновский маршал Сен-Сир, воевавший еще в годы Республики на Рейне с австрийцами и пруссаками, дал их сравнительную характеристику. Военные традиции пруссаков тоже очень интересны, но нас более интересуют австрийские войска, которые на Рейне состояли в значительной части из тех же славян (чехов, хорватов, словенцев). «Пруссаки известны стремительностью в своих атаках и особенно в преследовании, как австрийцы боязливостью в них из желания быть благоразумным...» — писал Сен-Сир. Он рассказывал, что для боя с австрийцами французам надо было «подходить к собственным их позици-

ям, чтобы заставить сражаться». Что касается пруссаков, то французам стоило лишь показаться издали, «чтобы иметь их под рукой». То есть австрийцы первыми в бой не лезли, пруссаки же прибегали подражаться при первой возможности.

С другой стороны, Сен-Сир отмечал австрийское упорство в ходе всех Наполеоновских войн: «Мы видели, что монархия Фридриха (Пруссия. — А. В.) пала после проигранного сражения (в 1806 году. — А. В.) и снова заняла свое место с помощью сильных союзников, меж тем как потеря десяти сражений и части провинций не могла низвергнуть Австрию».

Боевые качества австрийцев, в частности их упорство, приверженность обороне и осторожность, Сен-Сир объяснял тем, что «они представляют смешение многих народов несходных по характеру, но которые могут идти рядом», а также тем, что Австрия в течение ряда веков вела войны с Турцией, т. е. привыкла отражать набеги конных орд. Это объяснение французского маршала мы запомним и к нему еще вернемся.

К началу Первой мировой войны под влиянием идей панславизма боеспособность тех же чехов в австро-венгерской армии явно снизилась, поскольку воевать им приходилось с такими же славянами. В этом отношении стоит почитать «Приключения бравого солдата Швейка». А вот Чехословацкий корпус, созданный в России из русских подданных, но чехов по национальности, а затем уже пополненный пленными, показал себя прекрасно. В первом же бою, в июне 1917 г., на фоне общего развала в русской армии около 4000 чехов захватили три линии окопов противника, взяли более трех тысяч пленных и 150 орудий. Во время Октябрьской революции и Гражданской войны чехословацкие части, дрались ли они за красных или за белых, всегда считались образцом боеспособности.

О восстании Чехословацкого корпуса и создании под его прикрытием антибольшевистского правительства в Поволжье известно всем. А вот — об участии чехов в гражданской войне на стороне красных. Летом 1918 г. советская дивизия под командованием Киквидзе вступила на донскую территорию, чтобы очистить от казаков железную дорогу, по которой большевики вывозили хлеб из Царицына в Москву. Дивизия была разношерстной, по железной дороге прибывала по частям. Киквидзе взял наиболее боеспособные части — остатки двух кавалерийских полков старой русской армии и чехословацкий батальон — и двинулся на окружной центр — станицу Урюпинскую.

Донские казаки в этом районе в Гражданской войне участвовали неохотно, но вступление на донскую территорию чехов они, видимо, восприняли как иностранное вторжение и встали грудью. Киквидзе был окружен, но с потерями прорвался. Во время боя казаки рассеяли красную кавалерию и 18 раз в конном строю бросались на чехов, на орудия и пулеметы. Чехи соответственно, оказавшись в окружении, отбили 18 кон-

ных атак... Но оставим наших братьев-чехов и вернемся к зарождающимся великороссам.

Состав вооруженных сил Московского государства был полиэтничен, хотя среди профессиональных воинов, безусловно, преобладали славяне. И боевые действия преимущественно велись либо против своих же славян — Великого княжества Литовского, — либо против кочевников.

Ну как тут не вспомнить маршала Сен-Сира и его характеристику упорной и склонной к обороне, состоящей наполовину из славян австрийской армии. И у нас было «смешение народов несходных по характеру», но вынужденных идти рядом. И наши войска оттачивали свое мастерство в боях с подвижными, отчаянными и жестокими ордами.

Своего рода эталоном для нас стала Куликовская битва. После Куликовской битвы русские осознали себя русскими. Все наши великие победы напоминали и по ходу, и по напряженности именно ее. Это и Бородинская битва, и Сталинградская, и Курская. Это победа на грани поражения, победа огромной ценой, победа кровавая, когда встают всем миром и себя не жалеют. Тем более — не жалеют других. Это сражение на границе или на своей территории. Это сражение оборонительное, в ходе которого наши превосмогают противника и наносят ему ответный удар. И противник этого удара не выдерживает.

И в гораздо менее значимых сражениях мы наблюдаем то же самое. Под Кунерсдорфом русская пехота истекала кровью, но перемолола атакующих пруссаков, а когда те не выдержали и побежали, рубить бегущих поскакали казаки и венгерские гусары.

И даже в локальных конфликтах у нас сохраняется эта тактика. Вспомним второй бой за остров Даманский. Весь день пограничники, неся потери, сдерживали китайскую дивизию, а за холмами стояли наши установки залпового огня и отслеживали китайские огневые точки. А когда стало темнеть и расположение огневых точек было подтверждено визуально (вспышками), наша реактивная артиллерия нанесла удар. Вообще-то эти установки залпового огня можно сравнить с тактическим ядерным оружием...

Именно такой вариант битвы и победы, видимо, в подсознании наших людей. Я в течение нескольких лет провожу один и тот же эксперимент. На 5-м курсе, когда программа 1-го курса подзабывается, я прошу студентов назвать победы А. В. Суворова, за исключением штурма Измаила. Как правило, затрудняются. Поскольку Суворов вел наступательные сражения, сражался на чужой территории и бил врага не числом, а умением. Впрочем, до него таким же образом турок и татар стал бить Румянцев.

Но здесь надо сделать поправку на то, что у Суворова и Румянцева войска были иного характера и свойства, чем у Дмитрия Донского и у Г. К. Жукова. Начиная от Петра I и до Николая I включительно, наша армия была, грубо говоря, армией смертников.

В 1705 г. происходят радикальные изменения в системе набора. 20 февраля выходит указ набирать в рекруты крестьян, брать 1 человека с каждых 20 дворов, причем с 15 до 20 лет холостых. Рекрутская повинность не была индивидуальной а имела общинный характер, включая круговую поруку, очередность и т. д. 20 дворов должны были рекрута одеть и накормить и несли за него коллективную ответственность. В случае смерти или бегства — выставить взамен нового (обычно вместо убежавшего брали кого-то из его родственников). Чтобы пресечь побеги, Петр I в 1712 г. требовал: «А для знаку рекрутам значить на левой руке накалывать иглою кресты и натирать порохом». С рекрутами в деревне прощались навсегда, как с умершими. Снаряжение рекрута и снабжение его всем необходимым стоило для общины 20 рублей.

Генерал Миних, председатель военной комиссии в начале 30-х гг. XVIII в., отмечал, что после войн Петра I в армию брали 1 рекрута с 320 крестьян. Крестьяне собирали 150 рублей, чтобы не брали их братьев, после чего ими «нанимается бобыль, ни к чему не годный, часто пьяница, больной или увечный». Миних сетовал, что в Европе в таком случае дают 3–5 рублей «годному и добровольному человеку», а «в России от 150 до 200 дают негодьям». Набираемые в армию бегали, откупались, отрубали себе пальцы. Причин такого поведения Миних видел три: много погибло в 20-летнюю войну со шведами; «от неприятеля столько людей не побито, сколько погибло от дурного распоряжения офицеров...»; солдаты не отпускаются до глубокой старости или до увечья.

Однако спайка в таких полках была сильнее. Рекрут попадал на всю жизнь в замкнутое сообщество, откуда не было обратного пути, и должен был найти свое место в этом сообществе. Солдаты, перешедшие в чужую армию, считались изменниками и безжалостно уничтожались. Так, Денис Давыдов писал, что за всю войну 1812 г. им был вычислен и расстрелян всего один такой изменник. «Он пал на колени и признался, что он бывший Фанагорийского гренадерского полка гренадер и что уже три года служит во французской службе унтер-офицером».

Иностранцы такую систему набора характеризовали и характеризуют кратко: в России в армии дисциплина основывалась на порке, повинность лежала на крепостных крестьянах, «которые ее боялись и ненавидели, а еще одним источником рекрутов являлись преступники, подкидыши и солдатские дети»; русские солдаты из крепостных не бежали с поля боя и не впадали в панику — «у них, взятых из рабства, нет и мысли о том, чтобы действовать по своему разумению, когда рядом кто-нибудь из начальства».

Как отмечали немцы, в сражении у Цорндорфа, «расстреляв все свои патроны, русские стояли, как истуканы, в строю... Легче было их убивать, чем принудить к бегству; даже простреленные насквозь солда-

ты не всегда падали оземь... Часть беглецов попала в обоз, там они бросились на свои маркитантские фуры, начали их грабить и перепились водкой. Напрасно русские офицеры рубили бочки на части, солдаты бросались на землю и глотали с пылью любимый напиток; многие перепились до смерти...». Генерал Панин признавал: «Правда, мы удержали за собой поле битвы, но или мертвые, или раненые, или пьяные».

Тем не менее замкнутый подневольный коллектив сложился, приобрел боевые навыки и в боях с турками и татарами во второй половине XVIII в. показал прекрасные результаты. В сражении при Кагуле, решившем кампанию, русские перебили 20 тыс. турок, а сами потеряли 353 убитых и 550 раненых.

В Европе в 1799 г. армия продемонстрировала блестящие качества. «...Армия северных варваров прошла пол-Европы и показала себя человечнее, дисциплинированнее и цивилизованнее европейских армий, не говоря о самоотверженности (в Муттене голодные ничего не тронули у обывателей, великий князь Константин на свои деньги скупил съестное для солдат)», — писал В. О. Ключевский. Но тот же Ключевский считал: «...войска были привычны более к действию против неустроенных турецких полчищ, чем к европейскому образу войны, особенно генералы и офицеры».

Блестящие победы А. В. Суворова исследователи и современники прежде всего объясняли не полководческими дарованиями, а тем, что был найден общий язык с солдатами. «Найдя повиновение начальству — сей необходимый, сей единственный склей всей армии, — доведенным в нашей армии до совершенства, ...он удесятерил пользу, приносимую повиновением, сочетав его в душе нашего солдата с чувством воинской гордости и уверенности в превосходстве его над всеми солдатами в мир, — чувством, которого следствию нет пределов», — писал Денис Давыдов.

После известного манифеста о вольности дворянской изменился и качественный состав офицеров. На службу стали поступать добровольно, по призванию, по обычаю. Надежда Дурова объясняла свое добровольное поступление на службу следующим образом: «Я отвечала, что люблю воинское ремесло со дня моего рождения, ...что считаю звание воина благороднейшим из всех и единственным, в котором нельзя предполагать никаких пороков. Потому что неустрашимость есть первое и необходимое качество воина; с неустрашимостью неразлучно величие души, и при соединении этих двух великих достоинств нет места порокам или низким страстям». Похожую мотивацию выдвигает Денис Давыдов: «С семилетнего возраста я жил под солдатской палаткой, при отце моем, который командовал тогда Полтавским легкоконным полком... Как резвому ребенку не полюбить всего военного при всечасном зрелище солдат и лагеря?»

Многие шли в армию в поисках приключений, «повоевать». Для таких людей рутинная армейская служба интереса не представляла. Н. Дурова писала: «Офицеры обоих полков часто бывают вместе; род жизни их мне кажется убийственным: сидят в душной комнате, с утра до вечера курят трубки, играют в карты и говорят вздор». Сама Дурова так описывала свой первый бой: «Полк наш несколько раз ходил в атаку, но не вместе, а поэскадронно. Меня бранили за то, что я с каждым эскадронном ходила в атаку... Вернувшись к своему эскадрону, я не стала в ранжир, но разъезжала поблизости: новость зрелища поглотила все мое внимание... Все это наполняло душу мою такими ощущениями, которых я никакими словами не могу выразить». То же самое говорит Денис Давыдов: «Не забуду никогда нетерпения, с каким я ждал первых выстрелов, первой сечи! ...Я помню, что и моя сабля поела живого мяса; благородный пар крови курился на ее лезвии».

С проведением реформ Александра II качественный состав армии конечно же изменился. Черты национального характера в войсках, а значит, и в стратегии и в тактике, стали проступать явственнее. И даже если правители пытались проводить какую-либо экспансионистскую политику, народу они должны были говорить о защите границ, об отстаивании территориальной целостности и так далее.

Таким образом, нам представляется, что сложившиеся военные традиции славян достаточно самостоятельны у каждого славянского народа и выработались в зависимости от исторического пути той или иной группы этих народов. Общее, что их объединяет, — стойкость, упорство. И вернемся к началу нашей статьи — славяне при всей своей многочисленности, при прекрасных боевых качествах, никогда не пытались посредством военной силы навязывать свою волю всей Европе.